

МАРИЯ БАРЫКОВА

СОБАКИ В ГОРОДАХ

*Жизнь собак в истории,
искусстве и обществе*

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 316.7
ББК 60.54
Б26

Барыкова, М.

Б26 Собаки в городах : Жизнь собак в истории, искусстве и обществе / Мария Барыкова. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2025. — 232 с., ил. — («Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-524-02204-2

Книга «Собаки в городах» — это увлекательное и глубокое погружение в историю взаимодействия человека и собак в городском пространстве. В первой части своего исследования, «Собаки в городах», Мария Барыкова, пользуясь инструментами социологии, антропологии и философии, раскрывает взаимосвязь города, человека и собаки. А во второй и третьей частях, «Собаки в истории» и «Собаки в литературе», автор рассказывает о псах-рыцарях, четвероногих героях мировых войн, питомцах августейших особ, а также о собаках великих деятелей искусства и многих других.

**УДК 316.7
ББК 60.54**

© Барыкова М., 2025
© Рохмистров В. Г., составление, 2025
© Оформление.
ООО «Руграм»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

ISBN 978-5-524-02204-2

ПРОЛОГ

Петербург, этот вечный, несмотря на всего лишь трехсотлетнюю историю, город, как только не называют его сегодня — это и вторая столица, и культурная столица, и кофейная столица. Но, кроме всего этого, он является ещё и наиболее *собачьим городом* не только России, но, быть может, и всего мира. Он вряд ли красив так, как об этом пишут. Зимой он съедает обувь солью на улицах и душу — тоскливой неизбежностью вечеров, длящихся с утра до ночи. Весной он выматывает нервы бесплодным её ожиданием и обнажившимися нечистотами, летом издевательски смеется над всеми обманутыми, не дождавшимися тепла, добивая влажным смрадом, а осенью... Про осень, едва отойдя от лета и съежившись в ожидании грядущей зимы, лучше и вовсе не говорить.

Впрочем, деление на какие-либо сезоны здесь вообще бессмысленно, ибо в апрельскую, например, неделю вы благополучно испытаете на себе все вышеупомянутые прелести. Вся жизнь в городе проходит под непрекращающийся никогда солоноватый ветер, от которого скрипит на зубах пыль, липкая пленка покрывает лицо и становятся черными носовые платки. Конечно, блеснет иногда напоминанием о нашем божественном происхождении купол собора, прорежет тучи синей сталью полоска чистого неба

или пахнет ни с чем не сравнимым благоуханием река, но это лишь жестокая шутка, вечная пытка города, не дающего своим детям ни окончательно и гордо возненавидеть его, ни смиренно свыкнуться с мраком безнадежного существования.

Ах, если бы жители города были светлы и свободны! Если бы над ними не тяготели проклятия брошенных жен, кровь не была бы отравлена болотными парами, разум — растлевающим сочетанием вседозволенности и покорности, а душа — тайным сознанием собственного превосходства! Но жители здесь уязвлены и самолюбивы, и за высокомерием и мелочностью посторонний редко может увидеть скрытые надменностью и холодом твердую, как окружающий гранит, волю и широкую, как море, натуру. Ибо детям-горожанам от рождения суждено здесь быть подобными своему отцу-городу, с самого начала кутающемуся в мифы о красоте и выморочности.

Поэтому жить здесь трудно. За прошедшие сотни лет горожане перепробовали немало средств облегчить свою жизнь, пройдя через кутежи и доносы, бросание бомб и разврат, столоверчение и литературу, голод и политику, но ничто так и не утешило мятущегося духа, то и дело поднимавшегося столбами пыли на перекрестках и площадях. Не за что было зацепиться на голых камнях, не к чему прислониться, кроме холодных осклизлых стен, не на что опереться, ибо повсюду царили только бессмысленность и туман.

И беззвездными ночами многим смутно виделись деревни и поместья, с их ровным печным теплом и некоей определенностью. Шептались сухие половицы, пахло пенками от молока и варенья, и преданные карие глаза смотрели на кого-то с точеной кушетки, а на большинство — из полумрака ветхих будок. И рука сама тянулась погладить умный высокий лоб. Впрочем, мысль была не нова. Сам

вседержитель — основатель города повсюду возил за собою свою любимую Лизетту. И даже не побрезговал выставить её набитую соломой шкурку в главном музее страны, на диво жителям.

Жители дивились и, вдохновленные императорским примером, тащили в бараки и привозили во дворцы сородичей мышастой Лизетты — гладкошерстных терьеров. Через полстолетия идея прочно воцарилась в умах и сердцах, выйдя из частных сеней, гостиных и псарен на государственный уровень и став не только средством удовлетворения своих чувств или амбиций, но и лукавой заменой звонкой монеты во взятках, подкупках людей и дипломатических играх.

Эфемерные левретки Екатерины безнаказанно рвали дорогушие брюссельские кружева, а муругие борзые — крепостных детей. И не один породистый гончак был вскормлен тогда человеческим молоком. Апофеоз того времени и сейчас можно увидеть в одном из пригородных парков, где почти на равных расстояниях от дворца похоронены матушкой-императрицей останки и возлюбленного Дюшеса, и любимицы Земиры.

Далее на какое-то время судьба делает хитрый поворот, уводя пристрастия жителей к барабанам и войнам, мятежам и лошадям. И держит их в таком состоянии почти полвека, до тех пор, пока над городом не поднимется девятый вал литературы — явления, спускающегося в самые темные глубины и извлекшего из них, помимо всего прочего, все ту же жажду определенности и тепла. Времена, к счастью, смягчились, и воскресшее увлечение стало более естественным, как более естественными и приближенными к человеку стали сами породы: ломкая грация комнатного барокко сменялась плавными, но основательными линиями легавых.

Литература же, в очередной раз извлекшая на свет божий давнюю страсть жителей города, и вообще ударились

в этом отношении во все тяжкие, равно как и её творцы. Известный редактор «Современника» пишет восторженную поэму, утверждая, что собачий лай, не сравнимый ни с Россини, ни с Бетховеном, уводит душу в воистину идеальный рай, и, подтверждая свои слова, держит в редакции восемь красавцев, самому любимому из которых оставляет на случай своей смерти немалый счет в банке.

Другой великий охотник создаёт уникальный цикл рассказов и впервые сообщает всему миру о том, что собака умеет улыбаться, причем может делать это даже презрительно. По его рассказу «Собака» ясно, что Иван Сергеевич в экзистенциальном смысле считал человека и собаку равными. И слезинка Муму навеки слилась со слезинкой замученного ребенка.

Встают живые до сих пор образы и под пером бывшего артиллериста Л. Н. Толстого, а сам он предоставляет любимой суке Милке щениться на священном кожаном диване, на котором появился на свет он сам и все его дети.

Словом, русский реализм крепко держит руку на высокой холке. И, как всегда в этом городе, увлечение канонизируется сверху, когда царь-освободитель, испытывший уже несколько покушений, позволяет себе, дабы насладиться полноценным общением со своим сокровищем, выгуливать в Петровском парке — о, ужас, как поговаривают злые языки, не совсем чистокровного сеттера — в одиночестве! И, словно скрепляя свое пристрастие в этом отношении с литературой, царь нехотя, но все же соглашается вязать своего любимца с никому не известной собакой дворцового доктора, ибо щенка от этого брака желает сам Лев Толстой.

Безумие, поднятое писателями и пленившее двор, медленными кругами снова уходит чуть ниже, в лихорадочно устраиваемые всевозможные общества: императорские,

купеческие, охотничьи, всероссийские и прочая, и прочая, и прочая. И вот только никогда, ни в одном из воспомина-ний, не находится место этому увлечению или хотя бы про-стой симпатии ни у чернопередельцев, ни у первомартовцев, ни у бомбистов-эсеров. Являя собой тот самый курящийся над городом ядовитый туман, то бескорневое начало, они, в отличие от других, и не искали корней, и им в голову не приходило отправиться к Лисьему, например, Носу, где мож-но всего за десять копеек серебром в специальной сторожке переодеться в охотничье платье, прошагать с дюжину верст пешком, любясь на работу своего питомца, а вернувшись, подкрепиться горячим травным чаем, известным любите-лям на весь город. Или заглянуть на какую-нибудь юбилей-ную выставку, где в отделанных красным деревом боксах, на свежайшей соломе, лежали щенки доберманов, представ-ленных полицейской управой. Или закатиться на полевые испытания, проводимые братом небезызвестной Матильды, а после с наслаждением читать в журналах их описания, которые до сих пор вызывают умиление и восторг.

Город, всё больше ощущавший под ногами зыбкость существования, всё более жадно тянулся к тому, что не знало колебаний и не умело изменять. Дама растерянно и обезоруживающе прижимала к сердцу белого шпица, ребёнок крепко держался за шею огромного меделяна, веря, что защищён и спасён, гимназистка со смятением в душе прикармливала на даче безродную кусаку, за дворником бежал верный вымесок, подобранный по дороге к пруду, Каштанка видела настоящие собачьи сны, поэт обнимал волнующегося всем телом сеттера, аристократ, уравнове-шивая композицию портрета, держал под мышкой мопса...

Всё смешивалось в снежном серебряном вихре, всё силь-нее раскачивалось под ногами болото, и не зря лиловый пёс не хуже Мережковского рассуждал о грядущем и о смысле

жизни. И как-то совсем незаметно страдания жителей города стали почти неотделимы от страданий населявших его двойников. Сначала псы еще бегали, радуясь заросшим травой мостовым и неожиданной свободе, но с каждым месяцем их становилось всё меньше; кого-то ловили на мясо или шапки, не ведавшие ни сомнений, ни красоты, кто-то с обезображенными головами и хвостами тряся в теплушках, стараясь спастись, прорвавшись на юг, а кто-то и просто болтался на верёвке, слабо светясь шелковистой шерстью в мертвом свете зеленоватых городских фонарей.

Городу-цитадели, одевшемуся в новый миф о своей прочности, вдруг стало не нужно тепло. Вероятно, его достаточно грели коммунистические сердца, и только где-нибудь на заросших берегах Ждановки еще пробегали клочастые жучки да иногда какой-нибудь не от мира сего интеллигент осторожно выводил на прогулку своего друга, опасаясь и бдительного товарища милиционера, и, в не меньшей степени, злобную старуху квартуполномоченную.

Собака на какое-то время перестала быть душой — она стала функцией. И наравне с детскими садами с одинаково марширующими детьми и фабриками-кухнями с одинаковыми в любом конце города блюдами в городе стали множиться питомники, поставлявшие одинаковых овчарок, требуемых армии и милиции. Ах, недостижимый *пес Карацупы*, которого сотни стриженных мальчиков кормили из детских сосок, водили на площадки, а потом отдавали в железные руки, посылавшие их воспитанников под нож диверсантов, а потом и под гусеницы «тигров» и «фердинандов»!

Снова закружила над городом пурга, в клочья разметава кажущуюся прочность бытия, разверзлась бездна, поглощавшая всех, и нет вины жителей в том, что они в блокаду спасали себя с помощью тех, кого еще вчера любили. В конце концов, собаки и появились в городе как смутная наде-